

The background of the cover is a photograph of a wooden house with a red roof and a large, thick tree trunk in the foreground. The text is overlaid on the image.

И
СВИДЕТЕЛИ
СЕГО
ОТОМСТЯТ
ЗА НАС

Лилиа Константинос

18+

Ли́ла Константинос И свидетели сего отомстят за нас

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65819053

SelfPub; 2021

Аннотация

Зверское убийство семьи, подозреваемой в колдовстве, происшедшее около трехсот лет назад, повлияло на жизнь французского рода в маленьком городке Бретани.

Ли́ла Константинос

И свидетели сего

ОТМСТЯТ ЗА НАС

Их окружили у кромки леса. Местный булочник, его жена и пятеро их детей, стоя спина к спине, отмахивались от толпы выкрикивающих проклятья крестьян. Булочник был невысок и одутловат, он неуверенно держал обеими руками топор и вскидывал его перед собой всякий раз, как кто-то делал шаг в его сторону. Булочница с остервенелым выражением лица махала серпом, а трое дочерей и два сына, возрастом от шести до десяти лет, угрожающе щерили зубы и сгибали пальцы хилых ручонок, изображая когтистые лапы. Все они были полураздеты и босы, но содрогались вовсе не от зимней стужи.

Прошло уже больше двух часов, как преследователи сначала пытались ворваться в дом, затем бежали по улицам деревни за сбежавшим через окно семейством, сопровождая погоню выкрикиванием угроз и улюлюканьем. Теперь дело близилось к завершению. Никто не решался приблизиться, но, когда через толпу протиснулся вперед плотник с двухметровой дубиной, крики усилились: «Уничтожить нечисть!», «Сжечь отравителей!», «Повесить их с содранной кожей!», «Да покарает вас бог!». Плотник ловко вырвал из

руки булочницы серп, зацепив его концом дубины, раскрутил вверху и зашвырнул далеко в сторону. Затем тем же концом резко ударил булочника в колено. Как только тот рухнул на землю, сверху его накрыла толпа односельчан.

Спустя полчаса местность опустела. Кружащая над опушкой воронья стая смотрелась гармонично на фоне стройных красавцев-дубов, быстро покрываемых крупными хлопьями внезапно пошедшего снега. И только их резкое, почти непрерывное карканье побуждало взглянуть вверх, под темные кроны деревьев. Семеро растерзанных тел, раскачивающихся от толчков когтистых птичьих лап и мощных клювов, заставляли бежать прочь каждого любопытного путника. Пройдет немало лет, пока эти дубы спилят.

Шел 1700 год... До правления Людовика XV, при котором “охоту на ведьм” будут осуждать, еще немало лет. А пока жители Бретани, наполненные необразованностью и животным страхом, как умели, расправлялись с теми подозрительными соседями, кого считали виновниками голода, непогоды и мора.

Через два десятилетия в близлежащем Ренне произойдет крупный пожар. Для отстройки города вырубят много леса.

* * *

«Я пишу это не для того, чтобы оправдаться, нет. Для меня не важно, будут ли мои наследники – племянники и их

дети, вспоминать меня, и более старшее поколение нашей семьи, добрым словом. Просто мне кажется, что пора остановить эту кровавую игру, традиционную для нашего рода уже как два столетия.

Крис и Джулия, мои дорогие племянники, которых я так мало видел! После моей уже очень близкой смерти вам достанется этот дом, потому призываю вас захоронить все останки, скрытые под этой крышей. Это письмо послужит доказательством вашего не соучастия в произошедших преступлениях. Далее вы можете поступать с домом по своему усмотрению – продать, сделать из него музей, магазин, оставить домашним отелем.

Итак, к делу. Когда я был маленьким, помню, что отец постоянно делал в доме мелкий ремонт. То перекладывал частично кирпичную кладку или менял глиняное заполнение стен, между дубовыми стойками, то вскрывал половицы, то в погребе долбал пол. Став постарше, я заметил, что измененный эти «ремонтные работы» практически не вносили. Разобранная часть стены восстанавливалась в том же виде, доски поднимались и укладывались в прежнем порядке, и даже в погребе старый кирпичный пол вернулся на своё место, хотя удобнее его было заменить на бетонный.

Когда я спросил отца, для чего он это делает, получил от-

вет: «Может когда-нибудь и узнаешь.»

Когда-нибудь наступило после его смерти. Я узнал.

У нашего семейства, обосновавшегося в Ренне и более трех веков владеющего двумя этажами старинного деревянного дома на Rue de la Psalette, есть сильная характерная черта – мы даём выход своей ярости, не взирая на последствия. Что это – плохая наследственность, дурное воспитание или последствия кровосмесительного брака между моим прапрапрадедом и его кузиной? Вопрос без ответа. Ясно лишь, что кровь Фрессонов обуздать непросто, но я надеюсь, что у детей моей сестры, выросших не в старом родовом доме, а в домах их отцов, наследственность другая.

Итак, в каждом поколении после затяжной ссоры или в приступе внезапной ярости, кто-либо убивает сородича или иного недруга, и для сокрытия преступления, прячет его тело в доме, оставляя покаянное письмо для потомков, мол, здесь в доме погребена ваша бабушка или дядя, завещаю отыскать и тайно перезахоронить на кладбище.

Зачем оставлять письмо? Насколько я понял, это повелось от того самого прапрапрадеда, имевшего настолько вызывающий нрав, что ради наслаждения пересудами о его персоне, он женился на собственной кузине с хорошим наследством, бывшей старше его на 12 лет и которую, скорее всего, не лю-

бил. Хотя, может и любил, и даже, как говорится «до гробовой доски», потому что спустя четыре года после свадьбы, замуровал несчастную жену в подвале. А на его лице надолго поселилась скорбная маска покинутого супруга, от которого «с любовником сбежала горячо любимая жена», оставив на память о себе малолетнюю дочь. Наверное, ему очень хотелось похвалиться тем, как он провел всю родню и знакомых, а сделать это без последствий для себя можно было только в собственной предсмертной записке...

Перебирая старые бумаги и записи, я узнал, что мой отец искал труп нашего соседа Вильгельма, которого надежно упрятал под старинными кирпичами погреба его отец, заревавший того к первой жене, моей настоящей бабушке, умершей от белокровия вскоре после моего рождения. Еще раньше мой дед, переложил две каменные стены, выходящие на задний двор, в одной из которых нашел-таки останки двоюродного брата, замурованные там его отцом по указанию жены, которая в лучших традициях своей семейки, размозжила тому голову в припадке ярости во время дележки дома.

А еще ранее прапрабабка (та самая, первой получившая письмо от родителя с наказом найти в подвале останки её матери), сожгла в печи своего мужа, прах которого послужил удобрением в небольшом саду на заднем дворе, а череп был найден потомком, унаследовавшем дом, при ремонте дубо-

вого подножия огромного обеденного стола.

Бабкин скелет я обнаружил через 6 лет поисков, начавшихся после кончины моего папаша, когда, разбирая его письменный стол, нашел конверт с его признанием. Она не была ему родной матерью – высокая худая немка с маленькими острыми глазами, похожими на две горошины, и длинным худым носом. Портрет её и моего деда я нашел среди кучи барахла, когда стал единственным владельцем дома.

В оправдание своего поступка перед наследниками, отец поведал, как в младенчестве мачеха постоянно щипала и колола его иголками, наслаждаясь плачем. Когда он подросток, издевательства стали более изощренными. А после смерти отца, который на все закрывал глаза, и похоже, одной из немногих в семействе естественной смерти, мой папаша, с едва обозначившимися усиками, завербовался на испанский корабль в Сен-Мало, и отбыл на добрый десяток лет. Вернулся он заматерелым детиной, в котором и намёка не осталось на нежного юношу, которому мачеха столь любила делать мелкие пакости, что однажды даже наняла двух забулдыг, которые сломали ему два ребра. Хотела сжить со свету, в лучших традициях отношений мачехи и пасынка. Но сжил её со свету как раз-таки пасынок, возвратившись из плавания...

Затем он женился и нарожал детей. Меня и двух моих се-

стер. Для меня, а может для сестер, наш отец оставил записку, начинающуюся следующими словами: «10 декабря 1985 года я отомщен, а старая ведьма – моя мачеха, замурована в этом доме. Гордитесь своим отцом, потому что она не была настоящей Фрессон!»

Думал, письмо моё будет коротким, а уже на третью страницу перешел... Что же, хоть выговорюсь напоследок.

Отношения с отцом у меня поначалу были нормальными. Сестры повзрослели и повыходили замуж, оставив нас в доме двоих. Отца часто навещала вдова, державшая сувенирный бутик на углу Соборной площади. Так что личная жизнь у него была. Но это не помешало ему лезть в мою. Как-то я не вышел из системы и не закрыл ноутбук, спустившись в туалет, а он в это время зашел в мою комнату и прочитал часть переписки с Жюлем. Назавтра, а также всю следующую неделю, в колледж я не ходил. Разбитая губа заживала долго, два зуба я смог вставить лишь через 5 лет, а синяки – самое простое, что я получил в тот вечер, потому что они прошли самыми первыми. Ноутбук он забрал, но совершенно не подумал про телефон, через который я мог общаться с Жюлем и планировать месть своему папаше. Но это были лишь подростковые побуждения, не больше. Через два месяца колледж был закончен, и я уехал, чтобы вернуться через 15 лет.

Отца я убил в первый же вечер своего возвращения.

– Ты по-прежнему гомик, или женился? – первое, что услышал я, когда он открыл дверь. Не говоря ни слова, я отодвинул его в сторону. Шестидесятипятилетний старик, изнуряющий себя ежедневным пивом с орешками, не представлял угрозы даже для моей утонченной натуры художника.

Зачем я вернулся? В тот год случилось многое – погиб мой любимый человек, мой Арно, с которым я не расставался со дня знакомства, случившегося через год после колледжа и через полгода после расставания с Жюлем. Арно погиб в автотрагедии, а через четыре месяца я узнал свой смертельный диагноз. Апатия, депрессия, последовавшие проблемы с деньгами. А еще меня неумолимо потянуло в отчий дом, чего я никак не хотел понимать, однако, спустя пару недель после возникшего желания, купил-таки билет до Ренна и приехал из Италии, где проживал вместе с Арно последние восемь лет.

И я убил отца в день своего прилета. Поднявшись в свою комнату, я увидел, что она превращена в склад поломанного барахла. У одной стены была навалена старая мебель, подоконник и все пространство под окном занимали кипы старых газет, на моей кровати валялись груды старой грязной одежды и обуви. В наполовину задвинутой под кровать ко-

робке я узнавал вещи, которые были дороги мне в подростковом возрасте.

Дверь в комнату открыл отец.

– Ты может рассчитываешь здесь со своим педиком поселиться, а? Даже не думай...

Я просто хотел захлопнуть перед ним дверь, вытолкать его, наполовину уже просунувшегося в комнату, но глухой звук тяжелой дубовой двери на пружине оказался неестественно громким. Сначала я думал, что сломал его мясистый нос, но потянув дверь на себя и выглянув, увидел, что отец лежит на полу, головой у подножия перил, а со стороны левого виска расширяется красное пятно. Мне не хотелось ему помогать. Я перешагнул и пошел из дома. Далеко за полночь, когда я вернулся сильно пьяным, он был мертв. Даже не знаю, умер ли он сразу, или нет, и мне всё равно.

Я не трогал тело двое суток. В тогдашнем положении для меня важнее было найти деньги. Вместе с ними я и нашел конверт с запиской папаши, а под ним и записки предыдущих моих веселых предков, которые и открыли мне глаза на то, что я родился в роду, где без раздумий проливали кровь.

Как же им везло, что ни одно из давних убийств не было раскрыто! Самую первую из известных мне жертв объявили сбежавшей с любовником, затем такую же версию выдвигали

нула и прапрабабка, сжегшая супруга, объявляя всем, что мерзавец бросил ее с детьми. Две следующие жертвы (кузен прабабки и любвеобильный сосед Вильгельм) не проживали в этом доме, потому и исчезновение их не навлекло на его обитателей сильных подозрений. Мой отец, убивший мачеху, всегда говорил, что она уехала к своей родне в Германию, как только он вернулся из плавания в отчий дом. А поскольку старухой никто не интересовался, то никто и не искал её.

Наследники находили останки жертв и тайно избавлялись от них, стремясь очистить дом. Подхоранивали на кладбищах, пользуясь покровами частых туманов, о чем не забывали оставлять записи в старой семейной летописи, которую я обнаружил на дне ящика отцовского стола. А потом сами же поступали подобным образом, как бы вовлекаясь в игру. Как это объяснить? Шли по накатанной или всё это по вине необузданного норова Фрессонов? Я ведь хотел его смерти, очень хотел, с того вечера, когда он разбил мне губу и выбил зубы, а особенно после его последнего вопроса. Ведь мне некого было приводить в мою комнату. Андреа погиб. Немного осталось и мне.

Я закопал тело отца в ванной комнате первого этажа. Над ним отсутствует часть плитки – копайте там, так что вам не придется долго искать его, и надеюсь, что не придется становиться частью это семейной саги, будь она проклята. Па-

пашка-то наверняка не рассчитывал, что очередной жертвой будет он сам. Но я ненавижу любое проявление Фрессоновской натуры. С того момента, как отец отказался от меня, я отказался от него и от всех Фрессонов, которым, кажется, не давала покоя слава мировых злодеев. К счастью, моя сестра после замужества взяла другую фамилию, и мои племянники уже не Фрессоны.

Не исключено, что в доме есть еще чьи-то захоронения – наверняка не все из предков решались на откровения в посмертных записках... В доме давно пора сделать ремонт, так что если вскрыть все деревянные панели, поменять полы, можно будет найти еще чьи-нибудь косточки. Надеюсь, у вас это получится, и на том и завершится кровавая эпопея. Аминь.

P.S. Бабкин скелет был найден мною неделю назад под туалетным пьедесталом. Похоже, выбором места погребения, убийца хотел показать своё отношение к жертве. Теперь же её останки находятся на теле моего отца – я тоже не лишен чувства юмора, и решил, что убийце и убиенной есть что вспомнить. Пусть пообщаются, пока вы их откопаете и захороните.

P.S.S. У меня же несколько недель не прекращаются сильные боли, и как намекнул врач, мой конец уже приблизился вплотную, и до Рождества я вряд ли дотяну.»

* * *

Лежащий на кровати человек зашарил рукой по столу. На пол упали таблетки, следом опрокинулась кружка с водой. Он нащупал очки, судорожно сжал их, второй рукой завозил по телу, дернул ворот рубашки, хрипло всхлипнул и покинул и этот мрачный дом, и не слишком приветливый для него мир.

В следующий миг дубовый каркас дома загудел. Ему глухо вторили старые глиняные стены с панельной обшивкой. Конструкция завибрировала, словно стряхивая с себя нечто чуждое. От вибрации, лежащие на столе два листа бумаги, исписанные неровным мелким почерком с обеих сторон, сначала сдвинулись к краю, затем, один за другим, слетели на пол. Дверь ванной комнаты на первом этаже распахнулась и тут же с грохотом захлопнулась. Дом продолжал трястись и потряхивался до тех пор, пока письмо покойного не поддвинулось к большой щели между половицами и не было поглощено ею целиком. И тут оба этажа квартиры заполнились многоголосым стоном. Это был сдавленный стон, застрявший на самой высокой ноте своего бессилия. Голоса доносились из ванной, из каминного основания и из-под огромной каменной вазы, вмурованной в пол прихожей, из-за резной дубовой панели, прикрывающей стену во всю ее высоту напротив входной двери, и из-под старых дубовых половиц обеих комнат верхнего этажа. Надежда на ближайшее захо-

ронение в земле оказалась призрачной и для двух душ, заключенных в своих останках в ванной комнате, и для других, неучтенных, неизвестных жертв старого дома...

А сам дом готовился к приезду новых жильцов. На жизненном пути брата и сестры, Криса и Джулии, явственно прорисовывался маршрут – дом из дубовых бревен на Rue de la Psalette, город Ренн, Бретань.

Конец